

НЕКОТОРЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ НЕЛЕТАЛЬНОГО РАЗРУШЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СУБЪЕКТОВ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТЭКОНОМИИ

Е.В. Прудникова-Кирпиченок

Министерство экономики Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь

Предметом исследования современной политической экономики является совокупность производственных отношений общества, а в частности – человек – экономический, активный в своих деловых, производственных связях с другими людьми, его роль и положение в данном обществе [1, с. 21]. Иными словами, это наука, изучающая отношения между социальными субъектами, включенными в единый, относительно устойчивый, организационно оформленный материально-общественный комплекс, в пределах которого осуществляется внутренне взаимосвязанное производство, присвоение и социально значимое потребление материальных средств и благ для обеспечения физической жизни общества, а также для создания материальной базы всех сфер общественной жизни [2, с. 634].

Сегодня, когда интерпретационный потенциал бессубъектных моделей оказался практически исчерпан не только в обществоведении и философии, но и в естественных науках, возникает гносеологическая необходимость субъективизации экономической теории, как ответа на теоретические и практические вызовы нового столетия.

В качестве исходной базы исследования субъективизации экономической теории выступили классические произведения обществоведов: А. Смита, К. Маркса, Ф. Энгельса, М. Вебера и других, которые, разрабатывая основы парадигмы социальной структуры, выявили существование социальных классов как реальных экономических категорий и показали обусловленность их наличия системой экономических отношений; В.И. Ленина, П.А. Сорокина, Р. Дарендорфа, А. Джеффри и других, которые сумели выявить роль антагонизма экономических интересов и социальной дифференциации общества, некоторые формы и методы межгрупповой борьбы, а также выделить основные типы отношений, лежащих в основе социальной структуры общества; Н.А. Аитова, Е.М. Бабосова, П.М. Блау, А.Н. Данилова, Т.И. Заславской, М.Н. Руткевича, В.М. Синявского, З.Т. Голенковой и других, которые подготовили методологическую основу для выделения интересов агрегированных субъектов из системы социальных отношений; Р.В. Рывкиной, Т.И. Заславской, Ю.С. Полякова, П. Бурдые, Г.С. Батыгина, Л.П. Васюченко, М. Джиласа, М. Восленского и других, которые попытались выделить социальных субъектов, существующих в реальных социумах, и показать многообразие проявления их экономических интересов.

Предлагаемая работа должна, по нашему мнению, способствовать дальнейшему прогрессу экономической теории и методологии, обращением к исследованию такой фундаментальной проблемы как сборка и разборка социальных субъектов. При этом предполагается, что дальнейший прогресс политэкономии

(и, как результат, действительное возвращение ей роли методологической базы частных экономических дисциплин) возможно лишь, во-первых, при возвращении ей традиционного предмета изучения – отношения между социально-экономическими субъектами и, во-вторых, при широком привлечении к политэкономическим исследованиям достижения «сопредельных» наук: социальной философии, теории познания, универсальной истории, психологии, социологии и некоторых других.

Продолжая уже сказанное выше, напомним, что политическая экономия исследует законы, управляющие развитием социально-экономических систем, а также рассматривает названные системы в различные исторические периоды и эпохи через призму субъектных (межклассовых) отношений.

Основным содержанием политической экономии традиционно выступало исследование социальной структуры, отношений между классами как социальных механизмов прибыли, рынка, производительности труда, движения капиталов в любых формах. В качестве основы развития общества выделялись взаимоотношения между социальными классами. Основоположники политэкономии (В. Петти, Ф. Кенэ, А.Тюрго, А.Смит, Д. Рикардо и др.) разрабатывали ее социальное содержание через проблемы социальной статистики, социальной формы труда, социального содержания и цели разделения труда, через разделение труда и обмен как отношение между классами, выявляли характеристики классов, их определение и понимание собственности как системы отношений классов.

В СССР политическая экономия не уделяла достаточно внимания социально-экономическим феноменам. Одна из причин этого состояла в том, что человек, главный элемент экономических отношений, был «изгнан» из экономической науки. Широко распространенный псевдообъективистский подход ограничивал поле исследований ученых экономистов лишь отношениями людей, причем независимых от воли и сознания. Система понятий, категориальный аппарат политэкономии не улавливали субъектную социально-экономическую сущность экономических реалий. Сегодня не только дальнейший прогресс, но и само существование политэкономии немислимо без углубления политэкономического анализа социально-экономических взаимоотношений между различными социальными субъектами.

В настоящее время общественно-функциональные технологии, направленные на нелетальное разрушение социальных субъектов, из сферы военно-политического противостояния естественным образом пришли в сферу политико-экономической конкуренции. В литературе все чаще и чаще стали встречаться новые понятия «информационное оружие» и «информационная война», которые, в сущности, означают революцию не только в военном искусстве, но и в сфере компьютерно-информационных технологий.

Часто за этим скрываются принципиально новые формы противоборства, в которых победа, «подавление противника» будет достигаться не с помощью классического (даже ядерного) оружия и традиционных способов ведения войны, а путем массированного использования информационного оружия. Многие аналитики технологических развитых стран считают этот вид оружия «решаю-

щим фактором владения современным миром». Национальные информационные ресурсы сегодня составляют все большую долю национального богатства в развитых странах. «Информационное оружие», сейчас называют «Троянским конем XXI века» [3].

Появление информационного пространства привело к появлению желающих не только поделить это пространство, но и контролировать и управлять процессами в нем происходящими. Для этого используется так называемое технико-ориентированное информационное оружие, которое подразделяется на то, которое направлено против компьютерных систем и способствует всяческой трансформации информации в пользу информационного агрессора. Оно выступает в таком случае в качестве средства уничтожения, искажения или хищения информации; средства преодоления систем защиты; средства ограничения допуска законных пользователей; средства дезорганизации работы технических средств, компьютерных систем [4].

В отличие от технико-ориентированного информационного оружия, информационное оружие как общественно-функциональная инновация представляет собой такой вид информационного оружия, который подвергает воздействию определенные группы социальных субъектов с целью навязывания им нужного манипулятора социально-экономического поведения.

Самая главная задача применения информационного оружия состоит в том, чтобы заставить противника направить имеющиеся у него средства, в том числе технические, против самого себя. Информационное оружие второго типа направлено против социальных субъектов и включает в себя «не силовые» методы борьбы такие, например, как сборку, так и разборку социального субъекта.

Для сборки и разборки социального (квази-социального) субъекта сегодня используется информационное оружие, под которым понимается средство ведения современной нелетальной войны. Оно обеспечивает идентификацию и поражение противника с помощью информационных концентраторов различных конструкций (традиционные СМИ, сетевые гипертекстовые концентраторы и т.п.). Позволяет оказать влияние на социальный субъект, приводящее к блокированию его социальных действий (социальной активности). Позволяет эффективно перераспределять (переделить) материальные ресурсы (изменить отношения собственности) без нанесения повреждений самой собственности.

Важнейшим компонентом современного информационного оружия выступает направленный (сетевой) дискурс – специальная процедура детального анализа и оценки социальных действий социального или квази-социального субъекта, осуществляемая с помощью информационных концентраторов. Является самой серьезной угрозой для социально-паразитических структур. Особенно эффективна при комбинированном применении средств пятого и шестого технологических укладов. Например, традиционных СМИ и гипертекстовых сетевых информационных концентраторов. Кроме того, процедура направленного дискурса обладает креативными возможностями по созданию как гиперманипуляторов (генераторы слухов, легенд и тому подобное), так и антиманипуляторов.

Разборка социального (квази-социального) субъекта – информационное воздействие, приводящее к разрушению имиджа (социальная смерть, реорганизация, расформирование и т.п.). В свою очередь сборка социального (квази-социального) субъекта – это информационное воздействие, обеспечивающее защиту имиджа (социальный «бронежилет»), восстановление имиджа, формирование нового имиджа (доверия, влияния).

В данном контексте под влиянием понимается способность социального субъекта создавать и предотвращать угрозы (управление угрозами и с помощью угроз). Обеспечивает различные виды доминирования, определяет достоинство, самооценку, самоуважение и т.д. В свою очередь информационный концентратор – это специальная сетевая конструкция, позволяющая осуществлять направленный сетевой дискурс, оперативно визуализировать вред (угрозу), исходящую от социального субъекта. Такая «подсветка» позволяет мобильной толпе сетевых активистов (когнитивных крыс, солдатам сетевой информационной войны) точно нанести информационный удар и нелетально для социального субъекта предотвратить наносимый им вред (разрушить представляемую им угрозу). Информационный концентратор способен разрушать и восстанавливать доверие к социальному субъекту, технологически обеспечивать солидарное поведение мобильных толп.

В данном контексте под квази-социальным субъектом понимаются организационные структуры, создаваемые человеком в процессе жизнедеятельности (оформляются различными способами в зависимости от различных юрисдикций). Выделение квази-социальных субъектов в отдельную категорию необходимо, например, при пояснении особенностей применения по ним информационного оружия (за квази-субъектом чаще всего «прячутся», «маскируются» конкретные люди).

Результатом разборки субъекта является его социальная смерть – тотальное негативное гражданское согласие в отношении социального субъекта; разрушение доверия к социальному субъекту, в следствие чего он лишается влияния даже на процессы собственной жизнедеятельности, утрачивает позиции доминирования.

Начало информационной войны определить трудно, и это дает определенные преимущества агрессору. Но превосходство, полученное агрессором на начальном этапе, может и не привести к окончательной победе. Это происходит в случае, если жертва нападения успеет осознать, что против нее ведется информационная война.

В случае быстрого и массового перепрограммирования хозяйствующего субъекта наиболее результативными являются приемы, имеющие эмоциональную окраску. То есть для более эффективного достижения результата, упор в первую очередь должен делаться на деятелей искусства, культуры, религиозных служителей.

Сегодня СМИ являются классическим примером информационного оружия: финансируется правящей верхушкой, применяется для управления хозяйствующими субъектами в собственных интересах и навязывание им своего мне-

ния. Теперь время, необходимое для победы в информационной войне, ранее измеряемое веками и десятилетиями, уже можно сократить до вполне приемлемых сроков. Мир снова поворачивается к высоко заряженному полю битвы идей; это уже не только мир, в котором материальная база является предметами ожесточенного соперничества. В этом формирующемся мире ключ к успеху будет лежать в умелом управлении информационными возможностями и ресурсами — то есть, стратегическом планировании и управлении [5].

В случае успешного противодействия агрессивным действиям с целью разборки социального субъекта происходит субъект-объектный переход (превращение) — ситуация, в которой заказчик или организатор (агрессор), применяющий информационное оружие, сам подвергается его ответному воздействию со стороны своей жертвы. Жертва, использующая свое превосходство в оперативном искусстве применения информационного оружия, часто получает серьезное преимущество, вплоть до быстрой социальной смерти нападавшего.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адамович, Т. И. Современная политическая экономия: учебное пособие/ под общ. ред. П. С. Лемещенко. — Мн.: Книжный дом; Мінсанта, 2005. — 472 с.
2. Большой энциклопедический словарь: философия, религия, эзотеризм, политэкономия / Главн. науч. ред. и сост. С. Ю. Солодовников. — Мн.: МФЦП, 2002. — 1008с.
3. Обозреватель 15.05.1998 /Информационная война — основная форма борьбы ближайшего будущего? Б.Онорский. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <<http://www.agentura.ru/text/press/opponent/info1.txt>>. -Дата доступа: 11.09.2014
4. Расторгуев С.П. Часть вторая. Информационное оружие и проблема алгоритмической неразрешимости перспективности для информационных самообучающихся систем. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <<http://evartist.narod.ru/text4/58.htm>>. -Дата доступа: 11.09.2014
5. Ноополитика — шаг на пути к созданию американской информационной стратегии. Гриняев С.Н. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <<http://www.agentura.ru/equipment/psih/info/noo/>>. — Дата доступа: 11.09.2014

ROZWÓJ METOD OCENY EFEKTYWNOŚCI POSTĘPOWANIA ORGANIZACYJNEGO NA PODSTAWIE EKONOMII INSTYTUCJONALNEJ

Ж.В. Черновалова

Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина, г. Брест, Беларусь

А. Варпас

Государственная высшая школа им. Иоанна-Павла II, г. Бяла-Подляска, Польша

А. Матеек

Государственная высшая школа им. Иоанна-Павла II, г. Бяла-Подляска, Польша

Tematem artykułu jest ukazanie znaczenia ekonomii instytucjonalnej w badaniach naukowych. Ekonomia instytucjonalna, która powstała jako odpowiedź na zarzut kierowany przez zwolenników instytucjonalizmu i jego kontynuatorów wobec ekonomii neoklasycznej. Instytucjoniści zajmowali się głównie badaniem